

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Нелюбова Сергея Алексеевича

**«НАСЕЛЕНИЕ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ СКИФСКОГО И САРМАТСКОГО
ВРЕМЕНИ: БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ»,**

**представленную на соискание учёной степени кандидата исторических наук по
специальности 5.6.3. Археология.**

Рецензируемая диссертация состоит из Введения, пяти глав, Заключения, списка использованных источников и литературы и двух приложений. Основная часть диссертации насчитывает 219 страниц, в том числе 27 иллюстраций, среди которых карты и графические материалы с результатами статистической обработки данных, а также 28 таблиц. Приложение 1 представляет собой фотокаталог палеоантропологических материалов, содержащий анатомические раскладки 311 индивидов из 17 курганных и грунтовых могильников. Приложение 2 — это сводная база данных, куда внесены сведения о первичной археологической атрибуции, датировках и половозрастных определениях, а также информация об изменчивости изотопного состава азота, углерода и стронция у 294 индивидов. Следует сразу же отметить большую информативность этих справочных материалов, которые, несомненно, будут востребованы не только в среде исследователей скифской и сарматской культур, но и многими специалистами по истории других сообществ лесостепной и степной зоны Восточной Европы эпохи раннего железа.

В целом источниковая база диссертации весьма представительна: автором изучены останки 417 индивидов, 53 из которых относятся к эпохе бронзы (катакомбники и представители иных культурно-хронологических групп), 287 – к скифской эпохе (VII–IV вв. до н. э.), 77 – к раннесарматской и среднесарматской эпохам (III в. до н. э. — I в. н. э.). Из этого массива останки 295 индивидов (т.е. 70,7 % от общего числа) происходят из курганных групп, останки 122 индивидов — из грунтовых (бескурганных) могильников.

Основной источник исследования - палеоантропологические материалы из комплекса погребальных памятников Лесостепного Подонья киммерийской (предскифской), скифской и сарматской эпох, в целом же автором охвачен более чем тысячелетний период (с VIII в. до н.э. по IV в. н.э.). Всего автор проанализировал

материал 18 курганных и грунтовых некрополей. Это весьма впечатляющая по масштабу выборка памятников.

В ходе работы над диссертацией С.А. Нелюбов применял различные методы исследования: во-первых, классические палеоантропологические (составление половозрастного профиля), во-вторых, биоархеологические (палеоэкологические и геохимические, учитывающие динамику значений азота, углерода и стронция), в-третьих, статистические и, в-четвертых, метод сравнительного анализа.

Во Введении С.А. Нелюбов обосновывает актуальность исследования, каковая обусловлена отсутствием к настоящему моменту обобщающих работ, рассматривающих указанные аспекты культуры населения лесостепного Подонья на протяжении всего раннего железного века. Также в этой части работы определены основная цель и задачи исследования — они связаны с междисциплинарным анализом палеоантропологических материалов, полученных из погребальных памятников, с целью выявления хронологической динамики культурно-хозяйственных особенностей и элементов погребальной обрядности. Кроме того, во Введении представлены методологические и методические основы исследования, обозначены его хронологические и территориальные рамки, а также сформулированы положения, выносимые на защиту.

В связи с этим отмечу, что автором в качестве основной цели поставлено создание целостной *непротиворечивой* картины влияния культурных и хозяйственных традиций на динамику развития населения Донской лесостепи на протяжении раннего железного века (VIII до н.э. – IV в н.э.) (с. 9). Но следовало бы исключить из этой формулировки эпитет «непротиворечивая», поскольку такое целеполагание ограничивает эвристические возможности, ведь для поиска научной истины несущественно, противоречивая или непротиворечивая картина влияний будет выявлена в итоге проведенного исследования.

Глава I носит историографический характер и открывается первым разделом, содержащим обзор исследований археологических памятников раннего железного века в лесостепном Подонье, хронологические рамки которых охватывают период от предскифского до позднесарматского времени. В целом эта глава оставляет весьма благоприятное впечатление, ибо обнаруживает хорошее знание автором исследуемого материала. Вместе с тем вряд ли автору следовало в рамках данной работы пытаться анализировать такую сложную проблему, как киммерийская, во всем ее масштабе, поскольку этому, по сути, следовало бы посвятить отдельную главу. Автор начинает,

совершенно справедливо, с концепций Д.Я Самоквасова и В.А. Городцова в этой области, но далее лишь пунктирно и лапидарно прочерчивает основные линии исследования киммерийцев и киммерийской археологической культуры, характеризую основополагающие работы А.И. Тереножкина, А.А. Иессена, А. М. Лескова и С.В. Махортых и завершая характеристику данной темы упоминанием новейших публикаций С.Б. Вальчака и Н.Ю. Горболя. В результате получается весьма поверхностный обзор, поскольку автором оказываются никак не учтенными и даже не упомянутыми посвященные киммерийской проблеме труды Б.Н. Гракова, Е.И. Крупнова, М.И. Артамонова, Г.Т. Ковпаненко, С.А. Скорого, А.И. Мелюковой, А.И. Иванчика, В. Паркера, И.М. Дьяконова, М.Н. Погребовой, Д.С. Раевского, И.В. Яценко, И.В. Бруяко, В.С. Ольховского, А.Ю. Алексеева, С.Р. Тохтасьева, В.П. Яйленко, О.Р. Дубовской, С.Л. Дударева и Т.М. Кузнецовой. Вероятно, С.А. Нелюбову здесь стоило бы просто ограничиться констатацией основных векторов изучения компонентов киммерийской проблемы, а затем перейти к ее более подробному освещению на конкретном материале черногоровского и новочеркасского комплексов в Лесостепном Подонье, что, собственно, и предпринимает сам автор.

Также вызывает вопрос предложенная С.А. Нелюбовым периодизация исследований предскифской эпохи Лесостепного Подонья. Автор дифференцирует два этапа: начальный период (1960-е годы), связанный с обнаружением соответствующих памятников и первичным накоплением данных П.Д. Либеровым, и современный период (1985 – 2024), характеризующийся «составлением первых сводов предскифских памятников региона, предметным исследованием хронологической и этнокультурной атрибуции, а также обнаружением новых памятников» (с. 40-41). В этой связи мы наблюдаем как минимум 15-летний разрыв в исследованиях, что требует какого-то объяснения (по крайней мере, отсутствием находок новых памятников предскифской эпохи в данном регионе), которое мы не находим в диссертации.

На этом фоне значительно выигрывает весьма компетентный авторский обзор материалов скифской и сарматской эпох в контексте памятников Лесостепного Подонья. Предложенная автором периодизация исследований скифской эпохи Лесостепного Подонья (три преемственных этапа) опять-таки не вызывает возражений. В отношении же весьма подробной авторской периодизации исследований сарматской эпохи Лесостепного Подонья (автором выделено пять этапов) опять-таки наблюдается 20-летний разрыв в

исследованиях (между 1940 г. и 1960 г.), который должен быть как-то обозначен в общей периодизации, иначе таковая представляется незавершенной.

Во второй части историографической главы представлена история изучения палеоантропологических материалов из памятников лесостепного Подонья раннего железного века. С.А. Нелюбов совершенно справедливо выделил эту тему в отдельный параграф и весьма подробно и доходчиво, демонстрируя прекрасное знание предмета, осветил динамику изучения палеоантропологических материалов региона в рамках научных парадигм физической антропологии и биоархеологии. При этом автор совершенно справедливо представил здесь же материалы, относящиеся к местным культурам среднего и позднего бронзового века, поскольку это дало ему возможность констатировать становить наличие или отсутствие преемственности эпохи бронзы и эпохи раннего железа в отношении конкретных культурно-хозяйственных традиций.

В данном разделе историографической главы автором диссертации также предложена периодизация биоархеологических исследований материалов (дифференцированы два преемственных этапа). Эта периодизация четко обоснована и не вызывает никаких возражений.

Глава II содержит характеристику методов и материалов исследования.

В первом разделе данной главы автор обосновывает выбор методов своего исследования и дает их развёрнутое описание, что дает возможность верифицировать результаты работ автора. Ряд параграфов посвящён конкретным методикам: методике проведения половозрастных оценок; способам и особенностям получения палеодемографических показателей; методике оценки усреднённого рациона питания на основании данных об изотопном составе азота и углерода коллагена костной ткани; методике пробоподготовки образцов коллагена. Отдельная часть главы раскрывает методические подходы к работе с данными об изотопном составе стронция, включая принципы их интерпретации. Следует отметить, что автор четко обозначает возможности и ограничения каждого метода, в том числе ограничения, которые накладывают сохранность и комплектность останков, а также возраст индивидов.

Завершает данную главу краткий обзор статистических методов, применённых автором для оценки достоверности различий изучаемых признаков между различными группами.

Во втором разделе данной главы автор представляет источники, или материалы своего исследования. Здесь содержится перечень и локализация археологических памятников (с соответствующей картой), которые послужили базой для анализируемых автором палеоантропологических материалов. Это среднедонские курганные могильники (Колбино 1, Терновое 1, Горки 1, Дуровка, Девица V, Филатовка, Волхонские Выселки, первый и второй Чертовицкий могильники, Ивановка 7, Березовский могильник, Воронежский аэропорт, Новочигольские курганы), верхнедонской Вязовский могильник, а также грунтовые захоронений (Семилукское городище, Ксизово 19, Малое Сторожевое городище, Верхнее Казачье городище, первый Чертовицкий могильник, Верный путь). Также представлены местные могильники предшествующей эпохи бронзы, палеоантропологические материалы из которых С.А. Нелюбов обоснованно привлекает для выявления своеобразия населения раннего железного века (Филатовские курганы и курганные могильники Колбино – I, Горки – I и Девица – V).

Кроме того, автором охарактеризованы численности серий, соответствующих тому или иному культурно-хронологическому пласту. Объем палеоантропологических материалов различается в зависимости от хронологического периода. Так, для предскифского времени выборка ограничена восемью индивидами из двух памятников. В скифский период она значительно расширяется — до 248 индивидов, происходящих из девяти могильников. Материалы среднесарматского и позднесарматского периодов представлены 44 индивидами, обнаруженными в восьми археологических памятниках.

При этом в качестве сопоставительных материалов с целью реконструкции динамики населения Донской Лесостепи в сравнении с соседними регионами, С.А. Нелюбов привлекает из публикаций обширные данные по скифской и сарматской эпохам Нижнего Подонья (соответственно останки 71 индивида из 47 памятников и 1827 индивидов из 87 памятников), по скифской эпохе Среднего и Нижнего Поднепровья (156 индивидов из более чем из 10 могильников), по скифской эпохе Поднепровья (так у автора, правильнее было бы сказать: по позднескифской эпохе Поднепровья) (312 индивидов из могильника Глиное) и, наконец, по сарматской эпохе Нижнего Поволжья (914 погребальных комплексов).

Глава III посвящена построению палеодемографических реконструкций на основе половозрастного состава погребённых, определенного как автором диссертации, так и другими антропологами. Анализируется половозрастной состав памятников в отдельности, а также групп памятников. Полученные палеодемографические показатели

сопоставляются с данными, полученными другими специалистами на основе серий сопредельных регионов, а именно с территории Нижнего Подонья, Среднего и Нижнего Поднепровья и Нижнего Поволжья.

Глава IV посвящена реконструкции системы питания и жизнеобеспечения населения донской лесостепи раннего железного века. Глава включает данные об изотопном составе азота и углерода в образцах из погребений от среднебронзового до позднесарматского времени. Предложены реконструкции как для каждого периода в отдельности, так и генеральная хронологическая динамика развития пищевых и хозяйственных моделей. Наконец, проведены сопоставления с материалами сопредельных территорий и предложены гипотезы о проникновении важнейшего злака древности — культурного проса — в изучаемый регион. Автор в конечном счете приходит к выводу о том, что на протяжении как скифской, так и сарматской эпохи времени в регионе существовали две традиции питания: характерная для тех, кто был захоронен под курганами, и тех, кто был упокоен в грунтовых могильниках. Первая характеризуется большим, нежели вторая традиция, включением в пищу мясомолочных продуктов и меньшим — растений. При этом «курганная» модель в большей степени тяготеет к диетам восточных кочевников скифо-сибирского мира, тогда как «грунтовая» — к пищевым предпочтениям населения Северного Кавказа.

Глава V посвящена реконструкции индивидуальной мобильности населения Донской Лесостепи в раннем железном веке и представляет данные о соответствующих маркерах мобильности, полученных на основе анализа изотопного состава стронция. Для оценки фоновых значений биологически доступного стронция в регионе автор сформировал репрезентативный свод данных, включающий 20 образцов растительности и воды из окрестностей исследуемых археологических памятников. С этой целью С.А. Нелюбов получил консультацию в Институте геологии и геохимии им. академика А.Н. Заварицкого, после чего было принято решение сформировать базу фоновых значений стронция Донской Лесостепи на дикорастущих злаковых и родниковой воде, причем образцы воды и флоры были собраны именно в окрестностях памятников, материалы которых представлены в исследовании.

В главе последовательно изложены результаты исследования образцов, происходящих из погребальных памятников скифского, среднесарматского и позднесарматского периодов. Население, оставившее курганные захоронения, сопоставляется с сериями, происходящими с территорий городищ. Результаты

показывают, что среди индивидов, погребённых в курганах, не выявлено мигрантов первого поколения — все полученные данные соответствуют местным изотопным значениям. В то же время среди индивидов из погребений на городищах зафиксированы случаи миграции: их изотопные характеристики указывают на происхождение из более северных, предположительно лесных районов. Кроме того, зафиксированы изменения в индивидуальной мобильности от скифского времени к сарматскому. Полученные данные сопоставлены с показателями, известными для материалов сопредельных регионов.

При этом важно отметить, что в отношении населения, принадлежащего к группе индивидов, захороненных в грунтовых погребениях, С.А. Нелюбов на основании показателей стронция подтверждает вывод, к которому ранее время на основании данных материальной культуры пришел А.П. Медведев, выявивший в своей монографии 1999 г. две волны климатически обусловленной миграции (маркированной распространением на поселениях текстильной и, затем, рогожной керамики) в Донскую Лесостепь из Поочья, из ареала дьяковской и городецкой культур.

В связи с этим показательным представляется наблюдение С.А. Нелюбова о том, что для населения, оставившего грунтовые погребения скифской эпохи и курганные погребения сарматской эпохи, характерна повышенная мобильность индивидов женского пола, приходивших, как полагает автор, с северных сопредельных территорий. Как представляется, этот факт может отражать наличие северного вектора матримониальных связей и коррелировать с заимствованием Донской Лесостепью определенных керамических традиций (как элемента женской субкультуры) с севера.

Также интересно заключение автора относительно того, что диапазон индивидуальных значений для образцов сарматского времени больше, чем для скифского (имеются в виду те, кто оставил подкурганные захоронения), - и, следовательно, для сарматского населения был характерен больший размер кочевий, чем для номадов скифского времени; при этом, как полагает автор, миграционная активность сарматского населения на Среднем Дону «могла быть связана преимущественно не с притоком новых людей, а с оттоком мужского населения, вовлечённого в крупные военные конфликты за пределами региона» (с. 183).

Очень интересным и в какой-то мере неожиданным (по крайней мере, для меня) явился вывод С.А. Нелюбова о том, что население, оставившее подкурганные захоронения в скифскую эпоху (очевидные кочевники), оказывается более гомогенным, нежели

оседлое население, проживавшее на городищах и хоронившее своих покойных в грунтовых могильниках; в частности, население, оставившее подкурганые захоронения не принимает в своё сообщество мигрантов первого поколения, тогда как в среде обитателей городищ эти мигранты появляются. При этом в сарматскую эпоху эта картина меняется на противоположную, что представляется более закономерным для представителей этих хозяйственно-культурных типов.

В Заключении автор осуществляет синтез данных по всем системам признаков для каждой культурно-хронологической группы. Выявлены устойчивые различия между индивидами из подкурганых и грунтовых захоронений, проявляющиеся в половозрастном составе, пищевых моделях и уровне мобильности. Ранее проведённые археологические исследования подтверждали сосуществование двух культурных традиций в среднедонской лесостепи. Выполненное междисциплинарное исследование позволило конкретизировать эти различия, обнаружив их отражение в социальной сфере, традициях питания, вероятном хозяйственном укладе и уровне мобильности населения. Кроме того, выявлен ряд особенностей населения Донской лесостепи раннего железного века на фоне других регионов, выраженных, например, в устойчивых контактах с населением северных сопредельных территорий, в палеодемографических особенностях и др.

Подводя итоги, отмечу, что рецензируемая диссертация – плод большого и кропотливого труда, – как аналитического, так и обобщающего результаты предшествующих работ и самостоятельных многолетних исследований автора. Важнейшим итогом этого труда явился сбор, анализ и синтез результатов многовекторных биоархеологических исследований антропологических материалов Донской Лесостепи эпохи раннего железа.

Результаты работы С.А. Нелюбова создают возможность более полного и глубокого понимания предскифской, скифской и сарматской археологических культур как на региональном, так и на глобальном уровне. Помимо прочего, экспериментальные наработки автора, несомненно, послужат ориентиром для исследователей, изучающих другие локальные варианты предскифской, скифской и сарматской археологических культур, равно как и сообществ, сопредельных и связанных с ними.

Диссертация С.А. Нелюбова написана четко, емко и выразительно. При этом текст работы, к сожалению, содержит целый ряд опечаток, которые могут и должны быть

устранены при дальнейшей подготовке к публикации. В тексте встречаются неудачные термины, такие как «курганное население» (с. 183). Но эти замечания относятся лишь к формальной стороне диссертации и никак не ставят под сомнение ее содержательные достоинства.

Основные положения и выводы диссертации опубликованы, доложены и обсуждены в научной среде. Автор представил результаты своих исследований на девяти всероссийских и международных конференциях. С.А. Нелюбов является автором 6 статей по теме диссертации, опубликованных в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК. Автореферат в полной мере отражает структуру и содержание диссертации.

Диссертация Сергея Алексеевича Нелюбова полностью соответствует предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата наук требованиям «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. №842, а её автор Сергей Алексеевич Нелюбов заслуживает присуждения искомой учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. Археология.

Профессор исторического факультета МГУ

доктор исторических наук

А.Р. Канторович

15 мая 2026 г.

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991 РФ, Москва, Ленинские горы, д.1
Тел. (495)9391000, <https://www.msu.ru> e-mail: info@rector.msu.ru

Подпись
А.Р. Канторовича
заверяю

9